

ка, когда слышишь его слова о результатах напряжённого труда — о добытом им угле: «это моего труда тепло в нём спрессовалось в будущее пламя»!

Хорошо видишь и тракториста, который «всем сердцем слышит недалёкий и торжественный приход весны» и которому «даже солнце слишком уж медлительным кажется» после того, как он «много раз трактор свой опробовал» и проверил свою готовность к труду.

Есть и другие удачи Вл. Измайлова в сборнике его стихов «Широкая дорога». Этим и объясняется надежда на то, что в новых своих произведениях он будет смелее, самостоятельнее, решительно откажется от перепевов и найдёт свой голос.

Многие стихи легко и без ущерба для содержания поддаются сокращению. Словесные штампы и кочующие из одного стихотворения в другое эпитеты и даже целые фразы заметны с первого взгляда. Редактор книги Г. Молостнов обязан был обратить на них внимание автора.

Издательство «Кузбасс» охотно и большими тиражами издаёт поэтические сборники. Чаще всего — это первые книги молодых поэтов. Намечен выпуск нескольких стихотворных книжек и в этом году. Издательство поступает правильно, печатая произведения местных молодых авторов. Но работникам издательства не нужно забывать, что наш читатель хочет читать стихи только хорошие.

Сборник Вл. Измайлова мог быть лучше, если бы издательство более требовательно отнеслось к молодому поэту, помогло ему доработать стихи и из большого их количества отобрать лишь наиболее удачные.

И. Матвеев.

РАССКАЗЫ И. ШУМИЛОВА¹

Читая один за другим рассказы И. Шумилова, невольно задумываешься над соотношением между знакомством автора с жизненным материалом — с одной стороны и его способностью художественно воплотить этот материал — с другой.

Чувствуется, что автор бывал в деревне. Люди, о которых он рассказывает, хорошо ему знакомы. И мы можем предположить, что в жизни они интересны, привлекательны, значительны. Порою начинает казаться, что такими они и пришли на страницы книги.

Вот сидит под раскидистой ветлой пастух Егор Петрович Думов.

«Подобно многим пастухам, Егор был молчуном, природолюбом и философом. «Природа мудра (размышляет Егор), а человек её разгадал да и обумжал. Служи мне! Вот и ты, ветла шумоватая, хит-

ришь и пух в глаза пускаешь: пусть-де думают, что это я для красоты земной. А мы ведь знаем, что у тебя в этих пушинках летает: семена! Не хитри, разлапистая, не отводи глаз!».

Как будто перед нами возникает определённый характер. Этими хорошими строками автор обещает дальнейшее его раскрытие, заставляет читателей ожидать, — что же произойдёт, когда такой характер вступит во взаимодействие с другими? Но ожидания эти не оправдываются. Всё, что рассказано о Егоре на первых пяти страницах, — это лишь подготовка к основному эпизоду — собранию, на котором пастух выступает. Рассказ кажется растянутым, ибо никакого действия, ни малейшего раскрытия намеченного ранее характера, словом, никакой реализации обещания, полученного читателем, в нём не происходит. А что же есть? Протокол, в немногих местах «сдобренный» кое-какими авторскими ремарками о самочувствии героя или о реагировании собравшихся.

«Председатель правления Мелешкин долго говорил о важности сеноуборочной кампании, зачитал план работ, призвал колхозников закончить заготовку кормов за две-три недели. Сосредоточенно слушали председателя трактористы, косцы, мётчики, сребальщики. Выступали бригадиры, выкладывали план организации работ, давали обязательства от своих бригад, много говорили о силосе, о дополнительной оплате труда».

Разве это не цитата из протокола? И разве спасают что-нибудь такие определения, как «сосредоточенно слушали»? Разве изменится что-нибудь, если вместо этих последних двух слов поставить протокольное «присутствовали»? И разве превращается протокол в художественное произведение от вкрапливания в него таких ремарок, как: «Егор нетерпеливо ёрзал на сиденье, поправляя на груди медали»?

А в выступлении своём Егор полностью теряет индивидуальность, забывает о присущей ему манере рассуждать, строить речь. Просто он выдвигает предложение, чтобы бригадиры разрешили скоту пастигь на отаве и чтобы сено смятьвалось не в маленькие, а в большие стога, которые надо огораживать. А парт-орг в конце рассказа одобряет его предложение и заявляет, что «придётся перестроить нам организацию труда». Вот и всё!

Неплохо начатый рассказ оказывается только... растянутой газетной заметкой.

Подробно пришлось остановиться на этом потому, что «протоколно-стенографический» метод характерен и для некоторых других рассказов И. Шумилова, в том числе и для самого большого из них, который называется «Фёдор Прозоров». В этом произведении много персонажей. В нём переплетаются как будто две темы: борьба колхозников за подъём жи-

¹ И. Шумилов. Рассказы. Алтайское книжное издательство. Барнаул. 1954.

вотноводства и любовь молодой учительницы Нины к помощнику конюха Фёдору. Но это только авторское задание, полученное, к сожалению, очень бледное решение.

В этом рассказе есть несколько страниц, читающихся с подлинным интересом, вызывающих волнение. Это — отчаянная и самоотверженная борьба вооружённого только лопатой юноши Фёдора с волком. Довольно живо обрисованы и вызывают симпатию второстепенные персонажи рассказа — повариха колхозной заимки тётя Маруся, старый конюх Фрол Ильич.

Но большинство действующих лиц либо «невидимки», либо откровенные схемы. Таков, к примеру, председатель колхоза Жарков. Сначала он рекомендован читателю как плохой руководитель, наделённый мелким честолюбием, человек, любящий, когда ему льстят, и не терпящий критики. На странице 32 мы видим, как он со страхом готовится к собранию, на котором его должны «бить». Жарков думает: «Скажут: надо любить критику. Ха, «любить критику!». Да кто же её любит?» На стр. 44 Жарков, вернувшись домой с этого собрания, берёт «с этажерки принесённую недавно от Злобина (парторга) брошюру о большевистских методах руководства, об облике советского руководителя». Прочтя эту брошюру, Жарков мгновенно рассказывает, а на стр. 61 искренне поучает: «Критика, она, Фёдор... излечивает от многих болезней... Вот что такое критика!». Однако, ознакомившись с историей «перерождения» Жаркова, хочется сказать: вот что такое голая схема!

Главное место и в этом рассказе по существу занимают протоколы собраний и совещаний, стенограммы выступлений или хотя бы разговоры и воспоминания о собраниях. Даже беседы на лирические темы напоминают скорее «собеседования».

Наше знакомство с Ниной начинается с того, что она приезжает на заимку как агитатор и проводит совещание по вопросам животноводства. Она произносит речь на тему о том, что «без постановки животноводства на должную высоту не будет у нас избытия продуктов и сырья», а в конце речи, «подводя итоги», упрекает слушателей: «заботимся в основном только о росте поголовья, а о продуктивности, т. е. об улучшении стада забываем». Мысли верные и полезные, но ничего похожего хоть на какую-либо индивидуализацию речи Нины, а затем и участников прений по докладу автор не даёт.

Затем идёт сокращённый протокол колхозного собрания, — того самого, на котором «всыпали» Жаркову. Рассказ буквально пронизан такими фразами: «совещание закончилось», «колхозное собрание было необычным», «надо рассказать обо всём, что было вскрыто на со-

вещании» и т. п. Даже в тот момент, когда Фёдор стремительно несётся на коне, чтобы, рискуя жизнью, спасти Ветерка от волчьей стаи, в мозгу его возникают «мимолётные, но сильные, яркие воспоминания...» — о чём бы?.. А вот о чём: «На общеколхозном собрании шёл разговор о конском составе... Тогда-то и решили купить Ветерка». Пришедшая в больницу к Фёдору Нина, взволнованная тем, что с ним произошло во время поединка с волком, прежде всего «начала рассказывать о колхозном собрании...». Впрочем, и «день полного выздоровления Феди совпал с комсомольским собранием», а в заключающем рассказ письме к Феде Нина сообщает: «Недавно было колхозное собрание».

Вместо того, чтобы нарисовать картину труда и быта колхозников, раскрыть их чувства и переживания, И. Шумилов и этот рассказ строит, как длиннейший протокол «с отступлениями».

Конечно, не все рассказы написаны таким методом.

В рассказе «Шахматы», например, перед нами — «психологический случай». Проиграл бригадир Фёдор Петрович (самоуверенный и самодовольный человек) партию в шахматы мальчугану-конюху Ванюшке, и это послужило толчком к преодолению самодовольства, к решению — повысить свой уровень, «за Вильямса взяться» и т. д.

Могло ли быть так в жизни? Вероятно, могло. Но в рассказе-то дано всё это упрощённо, поверхностно и поэтому неинтересно. Примерно то же можно сказать и о рассказе «Разговор по душам», в котором речь идёт о самодовольном парикмахере, решившем взяться за учёбу после разговора с ехидным старичком-колхозником.

Есть в сборнике рассказы, задуманные, как лирические. Таковы «Весенний гул» и «Гудки на полях». Удачным представляется нам второй из них. Тема его — активное вдохновляющее влияние чувства любви на советского человека. «Вот она, любовь-то, что делает! Распалает людей как! Огнём дышат! А сила — откуда и берётся!» — говорит повариха Матрёна, наблюдая за своей помощницей Таней.

Хорошие слова! И веришь, что так выразить мысль могла именно «тетя Матрёна».

Вызывает симпатию и запоминается образ главной героини этого рассказа — молодой поварихи, тайно любящей комбайнера Максима. Таня «на время должность переменяла» и выучила комбайнеров и колхоз, подоспев на своей «кухонной» лошадке к переполненным зерном бункерам. На обратном пути Таня помогает застрявшей с машиной шофёру Ирине, которую считает своей счастливой соперницей.

Сюжет незамысловатый, а читатель заинтересован.

Почему возникает перед нами на нескольких страницах живой характер? Да потому, что Тania показана в действии, в поступках, мысли и чувства Тани отзываются в восприятии, в сердце читателя.

Судя по рассказу «Гудки на полях», по отдельным (правда, немногим) эпизодам в некоторых других произведениях, можно сделать вывод, что у И. Шумилова есть основания писать значительно лучше, чем написано большинство страниц его книги. Без пристального внимания к душевному миру своих героев, без проникновения вглубь знакомых ему жизненных явлений, без строга́йшего отбора средств художественной выразительности этого добиться нельзя.

Борис Рясенцев.

„ЭТО БЫЛО В ГОРАХ“¹

В самых радужных красках представляли себе предстоящую экспедицию два школьных друга, подростки Димка Лунев и Борис Зарубин. Ребята действительно увидели во время путешествия необыкновенные красоты природы, пережили смешные и опасные приключения, узнали много нового, интересного. Но, самое главное, они убедились и хорошо прочувствовали, что работа геолога — это прежде всего упорный и нелёгкий творческий труд, дающий человеку огромное удовлетворение, но требующий от него большой моральной и физической выдержки, настойчивости и терпения.

Мысль эта убедительно проведена в увлекательной повести М. Винкман и Е. Иванова «Это было в горах». Произведение это можно отнести к разряду хорошо написанных, но, к сожалению, редких ещё у нас приключенческих книг.

Достоинство повести в том, что она воспитывает читателя, показывая высокие нравственные качества своих героев. Чувство долга руководит поступками геолога Лидии Петровны Взоровой, уже немолодой женщины, смело отправляющейся в тяжёлый военный год в далёкую, сопряжённую с лишениями и опасностями, экспедицию. Этим же патристическим чувством проникнуты все стремления её юных помощников — сына партизана Димки Лунева, Светланы Силовой и колхозного бригадира Нуклая.

Одна за другой на пути отряда возникают трудности и опасности, потому что проводником геологов оказывается враг — диверсант и шпион Леонтьич, скрывающийся под этим именем бай Оркот Молготаев. Неотступно, шаг за

шагом пробирается в тайге вслед отряду слуга Молготаева Сарых — Басаргин.

Поиски приводят геологический отряд к Долине смерти, где, по предположениям Лидии Петровны, должно находиться месторождение киновари. По рассказам местных жителей в долине не раз погибали люди. Однако маленький отряд смело спускается в долину и находит киноварь. Проводник Леонтьич — Молготаев решается убить Лидию Петровну, но мальчикам удаётся её спасти. Враги пойманы, тайна Долины смерти разгадана.

Увлечательность сюжета повести не стала самоцелью. События, совершающиеся в произведении, лишь служат средством раскрытия характеров его героев.

Маленький подвижной Димка Лунев — один из главных героев, рано лишился матери и это наложило отпечаток на его характер. Живя с отцом, Димка стремился воспитывать в себе настойчивость и упорство. Димка рассматривал своё участие в геологической экспедиции, как выполнение боевого задания. Даже известие о гибели отца на фронте не сломило юного разведчика, и он с удесятерённой энергией продолжал выполнять свои обязанности в отряде.

Борис Зарубин, отправляясь с геологическим отрядом, рассчитывал на «лёгкую весёлую жизнь». Поэтому он с неохотой готовил и таскал для отправки снаряжение, плохо чувствовал себя во время переходов, а когда пришлось копать закопашки и он натёр себе мозоли, настроение юноши совсем упало: он решил уехать домой. Ссора из-за этого с Димкой, письмо с фронта от мужа Лидии Петровны, в котором он назвал их «небольшим, но боевым отрядом», заставили Бориса задуматься и изменить своё решение.

Много неприятностей доставляла Борису его трусость. Однако читатель видит, как с помощью своих товарищей по работе, особенно Нуклая, юноше удаётся отделаться от этого недостатка.

Часто в приключенческих произведениях враги советских людей показываются неумными, недалёкими. Авторы повести сумели избежать этой ошибки. Леонтьич — Молготаев и Басаргин — Сарых — сильные, ловкие и хитрые противники. Их коварные замыслы гибнут лишь потому, что геологическому отряду приходят на помощь колхозники.

Не верится только, чтобы Леонтьич — Молготаев так легко, без сопротивления раскрыл и тайну исчезновения геолога Лебедева и особенно свою новую связь с заграницей. Хитрый, расчётливый озлобленный враг не мог не знать, что ему за это грозит и вероятно попытался бы скрыть от советских людей свои последние шпионские замыслы.

¹ М. Винкман, Е. Иванов. «Это было в горах». Повесть. Новосибирское книжное издательство. 1954. Редактор Н. Малюкова.